УДК 342.31

*В.М. Белоусова***ДИСКУРСИВНОЕ ТОЛКОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «КОНСЕНСУС»
В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОМ УЧЕНИИ Ю. ХАБЕРМАСА**

Рассматриваются основные аспекты дискурсивно-теоретической трактовки понятия «консенсус» знаменитым немецким философом современности Юргеном Хабермасом в контексте его коммуникативной теории общества. Исследуются отечественные и зарубежные научные источники, освещающие заявленную тему. Раскрываются базовые понятия, которыми оперирует мыслитель при изложении собственной точки зрения относительно таких категорий, как «дискурс», «консенсус», «компромисс». Рассматривается и анализируется широкая полемика, развернувшаяся в научном сообществе вокруг дискурсивного толкования понятия «консенсус». Последний как общественное согласие достигается в результате разумной критики людьми высших ценностей. Целью консенсуса является достижение взаимопонимания. При этом с позиции достижимости консенсуса, выделяются две формы коммуникации: коммуникативное действие (интеракция) и дискурс. Описываются их функциональные особенности, а также раскрывается их значимость и важность для современной демократической организации общества.

Ключевые слова: политико-правовые взгляды Ю. Хабермаса, коммуникативная теория, демократия, дискурс, консенсус, компромисс, рациональность, легитимность, дискурсивное толкование, процедуралистское понимание.

Знаменитый немецкий философ современности Юрген Хабермас (Jürgen Habermas, 1929) разработал коммуникативную теорию общества. В рамках данной теории мыслитель обосновал понимание демократии как рационального дискурса. Его концепция демократии, развиваемая в конце XX в., определяется как делиберативная (от *лат. deliberatio* – обсуждение) или дискурсивная. Ученый, используя понятие коммуникативного действия, предложил процедуралистское толкование ряда важнейших политико-правовых категорий (например, «народный суверенитет», «общественный договор»), чем внес неоспоримый, значительный вклад в развитие современных представлений о демократии. Его позиция основывается на убеждении в том, что правовое сообщество учреждается на основании дискурсивно достигнутого консенсуса, а не в силу общественного договора.

Немецкий мыслитель предлагает учитывать многообразие существующих форм коммуникации. В них общая воля формируется как благодаря этическому самосогласию, так и уравниванию интересов и достижению компромисса. «Если соответствующие формы коммуникации в достаточной мере институционализированы, то диалогическая и инструментальная политики средствами делиберации могут достичь сопряжения» [1. С. 391]. Таким образом, по Хабермасу, все дело заключается в коммуникативных условиях и процедурах, способных в достаточной мере сделать легитимным демократическое формирование общественного мнения и воли. Именно на этом строится его делиберативная модель демократии.

Необходимость в подробном рассмотрении авторской рецепции понятия «консенсус», а также «дискурс» возникает потому, что в отношении них возражения критиков коммуникативной теории общества Ю. Хабермаса особенно полемичны. Как указывает Ч. Лэрмур, «именно это является основной темой новой книги Юргена Хабермаса, и ее автор отвечает на замечания оппонентов, сообразно которым хабермасовская теория дискурса превратилась в понятийную гипертрофию, которая потеряла даже контакт с современным правовым государством» [2. S. 321]. Как нам представляется, ответ Хабермаса ясен и категоричен. В своем философско-правовом труде «Фактичность и значимость» (1992 г.) он доказывает существование внутренней связи между правовым государством и демократией. Также он призывает нас принять во внимание социально-государственное понимание права, в соответствии с которым требуется уже процедуралистское понимание демократического правового государства [3. S. 661].

Основные положения теории делиберативной демократии рождаются у философа в контексте теории «коммуникативного действия». По справедливому замечанию исследователей его творчества В.В. Посконина, О.В. Поскопиной, «Хабермас считает, что процесс стабилизации общества, установления общественного порядка осуществляется через действие индивидов, ориентированное на понимание друг друга. В своей идее о возможности координации взаимодействия в процессе коммуникативного действия немецкий ученый исходит из представления о характере речевой коммуникации.

По мнению Хабермаса, образцом коммуникативного действия является рассуждение (дискурс). Именно поэтому анализ коммуникативного действия он выводит из идеи самодостаточности речевого акта» [4. С. 42].

По мнению А.В. Назарчука, «“Теория коммуникативного действия“ Хабермаса вывела дискуссию о природе рациональности и проблеме рационализации, о ее противоречиях на новый уровень, акцентировав внимание на то, что рациональное возникает и развивается именно в сфере коммуникаций и что процессы, происходящие в этой сфере, являются определяющими факторами общественного развития. Именно коммуникативный дискурс, по мнению Хабермаса, создает то пространство свободы, в котором индивиды на основе согласия способны влиять на ход исторического процесса, быть его реальными субъектами. На этом выводе основаны исторический оптимизм и вера в Просвещение и разум, который реабилитируется критической теорией, воплощенной в “Теории коммуникативного действия”» [5. С. 43].

Хабермас понимает проблему дискурса в рамках универсальной прагматики. «Универсальная прагматика тематизирует элементарные единицы речи (высказывания) таким же образом, как лингвистика тематизирует элементарные единицы языка (предложения). Цель реконструктивного лингвистического анализа заключается в эксплицитном описании правил, которыми компетентный говорящий должен овладеть, чтобы сформировать грамматические предложения и высказывать их в приемлемой форме. Общая теория речевых актов, таким образом, будет описывать эту систему правил... (Хабермас)» (цит. по: [6. С. 155-156]). Ученый, опираясь на теорию речевых актов Дж. Остина и Дж. Сёрля, речевым актом считает единицу лингвистической коммуникации, где происходит реализация предложения в высказывании. Основной целью универсальной прагматики, как считает Хабермас, является преобразование универсальных условий возможного понимания. Последнее представляет собой базовую функцию речи. Собственно, исходя из этой функции, ученый выделяет паразитические формы коммуникаций и коммуникации, ориентированные на достижение консенсуса. Именно в коммуникациях, направленных на понимание, рождается консенсус.

Первостепенной причиной самоотчуждения человека, по мнению мыслителя, являются существующие отношения власти и господства, искаженная коммуникация. Такие отношения представляют собой пагубный, вредоносный для человека процесс формирования его как члена общества. В результате указанного процесса уничтожается язык, посредством которого люди имеют возможность понимать друг друга. Обратить такой процесс вспять может только «истинная» коммуникация.

Деструктивному процессу «неистинной» коммуникации мыслитель противопоставляет идею «дискурса». По Хабермасу, именно дискурс способен вернуть человеческой, разговорной коммуникации разумный, осознанный характер. «Ибо “дискурс” (в его, хабермасовском, понимании) – это не что иное, как целенаправленный процесс обсуждения “общественностью” (у нас она обычно фигурировала как “прогрессивная общественность”) высших ценностей, которыми люди руководствуются в своих действиях. Задача его состоит в том, чтобы достичь общественного согласия – “консенсуса”, т.е. того самого аутентичного взаимопонимания, которое характеризует «естественное» речевое общение людей в жизненном мире, не искаженном вторжением антагонистических, основанных на насилии общественных систем» [7. С. 357].

Такой «консенсус», по мнению ученого, достигается в результате разумной критики людьми высших ценностей, высших принципов целеполагания. Это помогает участникам «дискурса» привести эти высшие ценности в соответствие с изменяющимися требованиями времени, в котором они живут. В общественном дискурсе имеют возможность принимать участие все члены общества. Они в процессе организованного обсуждения преодолевают ту разобщенность, которая мешает им взаимодействовать и понимать друг друга. Дискурс, по Хабермасу, исходя из его смысла, противоречит модели господства (принуждения). Единственное принуждение, которое допускается в дискурсе, это «принуждение» к совершенной аргументации.

Вместе с тем немецкий мыслитель подвергает критике и считает несовершенной классическую философию эпохи модерна. Основной ее недостаток, по его мнению, заключается в монологичности. Она нацелена на получение познающим субъектом путем приложения собственных усилий объективного знания в социальной сфере. Таким образом, классическая философия модерна имеет субъектно-объектную направленность. Хабермас, в свою очередь, призывает к межсубъектной (диалогичной) направленности поиска истины в коммуникации, ориентированной на достижение консенсуса. В

процессе коммуникации (дискурса) и формируется коммуникативный разум, заменивший собой индивидуальный (субъективный) разум, присущий классической философии эпохи модерна.

Отвергая кантовский монологизм, Хабермас нацелен на обоснование когнитивного подхода к этике. При этом в его теории категорический императив заменяется рациональным консенсусом. Категорический императив у Канта считается первичной данностью разума. А в дискурсивной этике Хабермаса ключевое место занимает выведение принципа универсализации из аргументативных предпосылок, что само по себе исключает монологизм [8. С. 114-115]. Целью консенсуса является достижение взаимопонимания, а не постижение истины. Основная роль здесь отводится языку, а также речевому акту, осуществляющемуся с помощью языка. «Парадигма рациональной философии М. Вебера и Т. Парсонса в работах Ю. Хабермаса была заменена новой парадигмой философии языка, интересующейся пониманием или коммуникации» [9. С. 119]. В своей теории ученый акцентирует внимание на концептуальном структурировании взаимосвязей и отношений, возникающих между участниками коммуникации.

С позиции достижимости консенсуса ученый выделяет две формы коммуникации: коммуникативное действие (интеракция) и дискурс. В первом требования значимости предполагаются, во втором – тематизируются. В дискурсе допускается один единственный мотив – это стремление к рационально обоснованному соглашению. Именно в дискурсе, по мнению Хабермаса, определяется истинным или ложным является достигнутое соглашение. При этом истинность определяется не только в отношении участников дискурса, а объективно – в отношении всех потенциальных его участников. Важно отметить, что соглашение достигается не в результате принуждения (внутреннего или внешнего), а в результате аргументации. Такое положение составляет прагматическую структуру коммуникации. Соглашение достигается исходя из возникновения равновесия между интересами участников дискурса и независимости их от каких-либо санкций и внешних принуждений. Таким образом прагматическая структура коммуникации преодолевает все возможные ограничения. Условия, при которых возможно достижение рационального соглашения, мыслитель называет «идеальной речевой ситуацией», то есть ситуацией, в которой рационально мотивированные попытки достижения соглашения находятся под защитой от внутреннего и внешнего подавления. При этом каждый индивид имеет равную возможность изложить и аргументировать свои доводы, суждения, возражения.

Следует отметить, что рациональность изначально присуща коммуникативному действию. Высказывая свою позицию, субъект коммуникации выдвигает притязание на значимость, которое открыто критике. Как отмечает исследователь Н.А. Бусова, «в повседневной коммуникации притязания на значимость не тематизируются. Как выдвигание притязаний на значимость говорящим, так и принятие их слушателем осуществляется в имплицитной форме. Согласие относительно притязаний на значимость само собой разумеется, оно основано на убеждениях, intersубъективно разделяемых коммуникативным сообществом» [8. С. 90]. Если в этих убеждениях никто не сомневается, дальнейшие общие действия основываются на коммуникативном действии. Если же в высказанных убеждениях кто-то сомневается, коммуникация переходит во вторую свою «неповседневную» форму – дискурс. В данном случае рациональность осуществляется в эксплицитной форме.

Рациональным можно назвать только то утверждение, которое имеет отношение к реальному миру и открыто для intersубъективной критики. Коммуникативно достигнутый консенсус основан именно на тех аргументах, которые выдержали такую критику.

В итоге, по Хабермасу, как отмечает американский исследователь его творчества Д.Н. Шалин, «участники коммуникации могут достигнуть понимания лишь путем принятия ДА – или НЕТ – позиции о критических требованиях обоснованности. Если причины, которые заставляют нас принять рационально мотивированную ДА – или НЕТ – позицию, не приводят к консенсусу, то коммуникативная деятельность не имеет логического конца и такая неудача указывает на факт недостаточной искренности ее участников, а в результате этого коммуникативная деятельность не приводит к рациональному решению» [10. Р. 258-259].

Дискурс в коммуникативной теории ученого является не только формой организации познания, но и формой политической деятельности. Хабермас стремится к тому, чтобы «планирующие инстанции» учитывали «дискурсивное образование воли», и заявляет: «Пока политическое образование воли не связано с принципом всеобщей и свободной от господства дискуссии, освобождение от репрессий – эта политическая цель всех революций с конца XVIII века – остается химерой» [11. С. 369]. Таким образом, дискурс есть освобождение от господства, диалог всех со всеми.

Если дискурс является диалогом, то отношения участвующих в нем индивидов представляют собой отношения партнеров, а не отношения наблюдателей и наблюдаемых объектов. Взаимодействуют партнеры с помощью аргументации. В последнюю входит интерпретация потребностей индивидов. С.П. Поцелуев считает, что, по Хабермасу, «консенсус в диалоге возможен только при условии обобщения интересов его участников. Однако нельзя забывать, что в случае политического диалога аргументируют не только от знания-компетенции, но также от власти-интереса. Вопрос, стало быть, в том, как понимать достигаемые в диалоге обобщения. Для этого недостаточно сослаться на общую проблему, которая «всех затрагивает». Ведь кому-то эта проблема – беда, а кому-то – «мать родная», т.е. доходный бизнес» [12. С. 73]. Однако мы считаем, что обобщение, пусть и не всегда, но возможно, и солидаризируемся с мнением Ш. Муффа: «Чем более равным и беспристрастным, чем более открытым является процесс обсуждения, и чем меньшее число его участников вынуждено или готово руководствоваться силой в качестве лучшего довода, тем более вероятно, что наличие действительно общих интересов будет признано всеми, кого они касаются» [13. С. 185]. И здесь необходимо отметить, что Хабермас не отрицает того, что не все интересы и не всех индивидов возможно обобщить и сделать общезначимыми. В таком случае он говорит о возможности компромисса.

Мыслитель пишет: «Речь в дискурсе идет о таких интересах, которые важны для всех участников дискурса. Разумеется, нахождение “равновесия” между целями отдельных индивидов потребует компромисса. Но где можно испытать способность интересов к обобщению, как не в дискурсе?» [14. С. 384].

Хабермас убежден, что обобщение возможно с помощью беспристрастного этического суждения. Его формирование «происходит с учетом местоположения и точки зрения лишь некоторых, а не всех тех, кто имеет отношение к делу. Беспристрастной является только та позиция, откуда могут быть обобщены как раз те самые нормы, которые, во вполне узнаваемом виде, воплощая в себе общий для всех адресатов интерес, могли бы рассчитывать на всеобщее одобрение – и потому заслуживают интересосубъективного признания. Таким образом, формирование беспристрастного суждения выражается в принципе, который понуждает каждого из них при взвешивании собственных интересов становиться на точку зрения всех остальных. Принцип универсализации должен вести к тому универсальному обмену ролями, который Дж. Г. Мид описывал как “универсальный дискурс”» [15. С. 103]. При этом сам принцип универсализации, по Хабермасу, формулируется следующим образом: «Всякая действенная норма должна удовлетворять тому условию, чтобы те прямые и побочные действия, которые так или иначе вытекают из всеобщего следования ей в отношении удовлетворения интересов (предположительно) каждого отдельного лица, могли быть приняты всеми, кого они касаются (и оказались бы для них предпочтительнее результатов других известных им возможностей урегулирования)» [15. С. 103-104].

Некоторые исследователи, ошибочно считая только консенсус центральным понятием теории Ю. Хабермаса и некорректно истолковывая его, критикуют мыслителя за непонимание и недооценку истинных конфликтов интересов. Так, И. Шапиро полагает, что может рациональный консенсус и достижим в идеальном мире (в идеальной речевой ситуации), «в мире реальном властные отношения пронизывают собой поистине всякое людское взаимодействие» [16. С. 9-10]. Б. Фливерберг пишет: «Идеи Хабермаса разработаны как идеалы политики, но слабы в понимании реальных ее процессов. ...В реальной социально-политической жизни корысть и конфликт не уступят место некоему общинному идеалу Хабермаса. Более того, чем демократичнее общество, тем больше оно позволяет группам определять собственные способы жизни и легитимизирует конфликт интересов между ними» [17. С. 130,134].

Не можем согласиться с представленными выше мнениями. Хотя, по Хабермасу, рациональный консенсус между участвующими в обсуждении лицами является мерой легитимности принятого впоследствии решения, ученый понимает и не оспаривает то, что не всегда обсуждение способно привести к консенсусу. В таком случае решение принимается исходя из компромисса. По мнению Хабермаса, именно компромиссы составляют большую часть процессов, направленных на принятие политических решений [18. Р. 282]. И саму теорию Хабермаса мы называем не консенсусной теорией демократии, а дискурсивной или делиберативной. Так как акцент в ней делается на процедуре обсуждения. Как отмечает Н.А. Бусова, не всегда для принятия решения имеется достаточное количество времени, что бы обсуждать вопрос до тех пор, пока не будет достигнут консенсус [19. С. 44-45; 20. С. 39-40].

В отношении проблемы консенсуса в творчестве Ю. Хабермаса исследователь А. Вельмер справедливо замечает: «Когда принцип рациональности объединяется с демократическим принци-

пом, то принцип согласованной координации действий становится неизбежным настолько, насколько мы верим в возможность рациональной аргументации. ...Идея демократического консенсуса относительно основных норм, институтов и ценностей вряд ли имеет смысл, если она не воспринимается так же и как согласие относительно принятия основных правил, норм, критериев справедливости и честности. В дальнейшем, в результате этого согласия рациональная дискуссия по нормативным вопросам должна стать возможной. ...Чем больше согласительный способ координации действий становится реальностью в институтах общества, тем больше общество приспосабливается обходиться без грубой силы, принуждения» [21. Р. 60,61].

«Несомненно, – пишет Хабермас, – самое большое, что может философ – это попытаться в своих размышлениях предвидеть направление реальных дискуссий, которые могли бы развернуться в условиях плюралистического общества. Однако такие, более или менее, правдоподобные отражения реальных дискуссий не могут быть включены в теорию, хотя бы и на основании того, что они представляют собой определенный источник самостабилизации справедливого общества. В настоящее время граждане сами дискутируют, обсуждают все послышки, изложенные сторонами в исходной ситуации, позиции» [22. Р. 121]. Немецкий ученый критикует Роулза за его «ложную» трактовку «взаимного консенсуса», который, по мнению последнего, должен «совместиться с принципами справедливости». Что не согласуется с главной мыслью Хабермаса, которая может быть выражена тезисом «консенсус должен быть нейтральным». «Поскольку Роулз, – оппонирует Хабермас, – выносит “вопрос стабильности” на передний план, то его “взаимный консенсус” ограничивается лишь функциональным содействием, отводимым теорией справедливости в деле оказания помощи мирной институционализации социального сотрудничества. Исходя из этой функциональной перспективы, вопрос о том, может ли данная теория найти общественное согласие (учитывая палитру различных взглядов на мир в свободной дискуссии) потерял бы присущее самой теории эпистемологическое значение. ... Чисто прикладное понимание теории Роулза сводится, в результате, на “нет” особенно тем обстоятельством, что его концепция справедливости должна сначала убедить граждан, и лишь в дальнейшем может состояться сам консенсус. Ясно одно, концепция справедливости не должна быть политической в худшем смысле этого слова» [22. Р. 122].

Продолжая полемику относительно консенсуса, свое критическое отношение к хабермасовской трактовке данного понятия высказал Т. Рокмор. Исследователь считает, что консенсус является довольно проблематичной категорией. Особенно если рассматривать его в качестве основы этической теории. Т. Рокмор солидаризируется с мнением Н. Решера в том, что консенсус, является лишь одним из факторов при определении способа действия [23. С. 113; 24. Р.195-199].

Более того, в науке существует мнение, что идея достигаемого любой ценой политического консенсуса прокладывает дорогу для насильственного консенсуса. Хотя альтернативой насильственному консенсусу выступает консенсус свободный, добровольный, увидеть на практике такой консенсус не представляется реальным. Чтобы это понять, считает исследователь Т. Рокмор, «достаточно посмотреть на интеллектуальные традиции. Интеллектуальное исследование происходит в процессе спора, который, подобно лечению у психоаналитика, может тянуться бесконечно. Нет оснований утверждать, что оно быстро или когда-нибудь вообще дойдет до конечного заключения, приемлемого для всех сторон. Было бы рациональным, а не иррациональным, и проявлением хорошей, а не плохой веры продолжать не соглашаться даже по фундаментальным вопросам, поскольку разные дискутирующие судят, исходя из различаемых, различных, часто несравнимых точек зрения» [23. С. 113]. Исследователь считает, что существует множество сфер (например, литературная критика, поэзия, философия), где консенсус, по его мнению, выступает лишь критерием, не играющим никакой роли. Кроме того, даже в физике допускаются определенные расхождения в научных взглядах (здесь, в качестве примера, исследователь указывает на спор об интерпретации квантовой механики).

Вместе с этим хотим подчеркнуть, что окончательный вывод Т. Рокмора звучит следующим образом: «Недостаток консенсуса в академической среде, так же как и на политической арене, менее полезен, чем его наличие» (Там же). За счет расхождений и происходит, по мнению Рокмора, обогащение и продвижение дискуссии.

Свои критические замечания в отношении хабермасовской трактовки «консенсуса» высказывает и Д. Шалин. По его мнению, «теория коммуникативного действия придает чрезмерное значение консенсусу и, в то же время, равнодушна к конструктивному достоянию разногласий. Одновременно Хабермас квалифицирует как “нормальные” те ситуации и коммуникации, которые в основном свободны

от конфликтов. В результате консенсус оказывается причиной бытия всех коммуникаций. Это, конечно, верно для условий идеальной речевой коммуникации, где «все участники безоговорочно преследуют цели, приводящие их к консенсусу, а он, в свою очередь, обеспечивает основу для координационного согласия всех индивидуально преследуемых планов действия» (Хабермас). Чем шире консенсус, тем, следовательно, всеохватывающе влияние рациональности. Однако, следуя этой предпосылке, напрашивается следующий тезис: все, что не попадает в универсальный консенсус, не является рациональным. Любой, кто отказывается вступить в возникающий консенсус, т.е. отвергает коммуникативно установленные истины, или прекращает убеждать всех остальных участников в достоинствах своего плана, – нарушает нормы речевой этики. В итоге дух коммуникативного процесса препятствует принятию конфликта в качестве его нормальной части, а самого несогласия – как рационального продукта действия, направленного в том числе, и на достижение взаимопонимания» [10. Р. 261].

В целом, на наш взгляд, следует согласиться с окончательным выводом американского исследователя: «Разногласия по поводу притязаний на истину являются более целесообразными, нежели само принципиальное соглашение в коммуникативно конституированной ситуации, поскольку долговременные разногласия, конфликты все равно придут к рациональному консенсусу» [10. Р. 262].

И хотя хабермасовские выводы, как отмечает ряд исследователей, в том числе Р. Розенбергс, «не являются универсальными и приемлемыми в России, многие из них весьма эвристичны для объяснения проблем сегодняшнего переходного этапа развития, для обоснования конкретных путей и механизмов смягчения конфликтности российского общества» [9. С. 121].

Говоря о коммуникативном консенсусе, немецкий мыслитель отмечает, что «все основные значения, которые являются составляющими нормативно регулируемых действий, уже имеют нравственный критерий. Он используется в полной мере только в случаях, когда люди обсуждают конфликты или нарушения норм. С образованием социального мира и переходом к нормативным отношениям все социальные отношения принимают безоговорочно этический характер. Золотые правила подчинения закону этически необходимы с целью определения содержания как социальных ролей, так и норм – главных в любом нравственном конфликте, так как они обуславливают дополнительные поведенческие ожидания и должную симметрию прав и обязанностей» (цит. по: [24. Р. 412; 25. S. 333-334]). Действительно, нормативно-ценностные знания не являются объективными истинами. Они носят условный, но при этом общепринятый характер. Нормативно-ценностный подход в политической, а также в юридической науке оценивает реальность с позиции именно ценностных ориентаций.

Примечательно, пишет В.Г. Федотова, что российское общество новые надежды нередко связывает с появлением действенной идеологии, с образованием подлинной науки. А Запад в это время стремится больше к утверждению базовых ценностей. Поэтому перспективу, разделяем мнение Федотовой, надлежит связывать не с образованием подлинной науки и действенной идеологии, а с развитием специального научного знания, а также с достижением консенсуса относительно базовых социальных ценностей [26. С. 193-194].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2008.
2. Larmore С. Die Wurzeln radikalen Demokratie // Simposium zu J. Habermas: Faktizität und Geltung. Dtsch. Z. Philos., Jg. 41. 1993. H2.
3. Habermas J. Faktizität und Geltung. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1992.
4. Посконин В.В., Посконина О.В. Значимость понятия «дискурс» в модели делиберативной демократии // Вестн. Удм. ун-та. Сер. Правоведение. 2007. № 6.
5. Назарчук А.В. От классической критической теории – к теории коммуникативного действия: (Смена парадигмы в социальной теории) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1993. № 4.
6. Современный философский словарь / под ред. В.Е. Кемеров. М., 1996.
7. Давыдов Ю.Н. Очерки по истории теоретической социологии XX столетия: От М. Вебера к Ю. Хабермасу. М., 1994.
8. Бусова Н.А. Модернизация, рациональность и право. Харьков: Прометей-Пресс, 2004.
9. Розенбергс Р. Проблема социального консенсуса в работах Ю. Хабермаса // Общественные науки и современность. 1995. № 5.
10. Shalin D.N. Critical theory and the pragmatist challenge // Amer. J. of sociology.- Chicago, 1992. Vol.98, № 2.
11. Habermas J. Kultur und Kritik. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1973.

12. Поцелуев С.П. Власть как диалог или диалог без власти? К актуальным аспектам политической философии Дж. Г. Мида // Полис. Субдисциплина: политическая теория. 2010. №1.
13. Муфф Ш. К агонистической модели демократии // Логос. 2004. №2 (42).
14. Habermas J. Kultur und Kritik. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1973.
15. Хабермас Ю. Моральное сознание и коллективное действие. СПб.: Наука, 2001.
16. Шапиро И. Переосмысливая теорию демократии в свете современной политики // Полис. 2001. № 3.
17. Фливерг Б. Хабермас и Фуко – теоретики гражданского общества // СоцИс. 2000. № 2.
18. Habermas J. Between Facts and Norms. Oxford: MIT Press, 1998.
19. Бусова Н.А. Делиберативная модель демократии и политика интересов // Вопросы философии. 2002. № 5.
20. Тушков А.А. Делиберативные императивы: опыт критического осмысления в контексте политической модернизации // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на дальнем Востоке. 2012. № 4.
21. Wellmer A. Reason, Utopia, and the Dialectic of Enlightenment // Habermas and Modernity. Cambridge – Oxford, 1985.
22. Habermas J. Reconciliation through the public use of reason: Remarks on John Rawls's Political Liberalism // J. of Philosophy. N.Y., 1995. Vol. 92, № 3.
23. Рокмор Т. К критике этики дискурса // Вопросы философии. 1995. № 1.
24. Nicholas Rescher. Pluralism: Against the Demand for Consensus. Oxford: Oxford University Press, 1993.
25. Couture T. Habermas, values, and the rational, internal structure of communication // J. of value inquiry. Dordrecht, 1993. Vol. 27, № 3-4.
26. Tietz U. Bemerkungen zu Habermas Diskurstheorie der Wahrheit und der Normenbegründung // Simposium zu J. Habermas: Faktizität und Geltung. Dtsch. Z. Philos., Jg. 41. 1993. H2.
27. Федотова В.Г. Дискуссия // Теория и жизненный мир человека. М., 1995.

Поступила в редакцию 22.11.14

V.M. Belousova

DISCURSIVE INTERPRETATION OF THE TERM «CONSENSUS» IN THE POLITICAL AND LEGAL DOCTRINE OF J. HABERMAS

The article covers the basic aspects of the discourse-theoretical interpretation of the term «consensus» by famous German philosopher Jürgen Habermas in the context of his theory of communicative society. Domestic and foreign scientific sources covering this topic are explored. The basic concepts used by the thinker in presenting his own views on such categories as «discourse», «consensus», «compromise» are disclosed. The wide dispute unfolded in the scientific community around the discursive interpretation of the term «consensus» is considered and analyzed. Consensus (in the sense of social consensus) is achieved as a result of reasonable criticism by people of higher values. The aim of consensus is to achieve mutual understanding. In this case, from the perspective of the consensus attainability, there are two forms of communication: communicative action (interaction) and discourse. Their functional features are described; their significance and importance for modern democratic organization of society are revealed.

Keywords: political and legal views of J. Habermas, communicative theory, democracy, discourse, consensus, compromise, rationality, legitimacy, discursive interpretation, proceduralists understanding.

Белоусова Вера Михайловна, аспирант
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)

Belousova V.M., postgraduate student
Udmurt State University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya st., 1/4